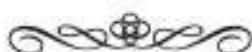
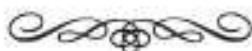

·thebigbook·
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Книги
ГЭРИ ДЖЕННИНГСА

АЦТЕК
•
ПУТЕШЕСТВЕННИК
•
ХИЩНИК

ГЭРИ
ДЖЕННИНГС

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д 40

Gary Jennings
AZTEC
Copyright © 1980 by Gary Jennings
All rights reserved

Перевод с английского Виталия Волковского

Оформление обложки Илья Кучмы

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-21626-6

© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 2006
© Издание на русском языке, оформление,
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Цзянь

СЕЙ МИР

Восточный
(Северный)
океан

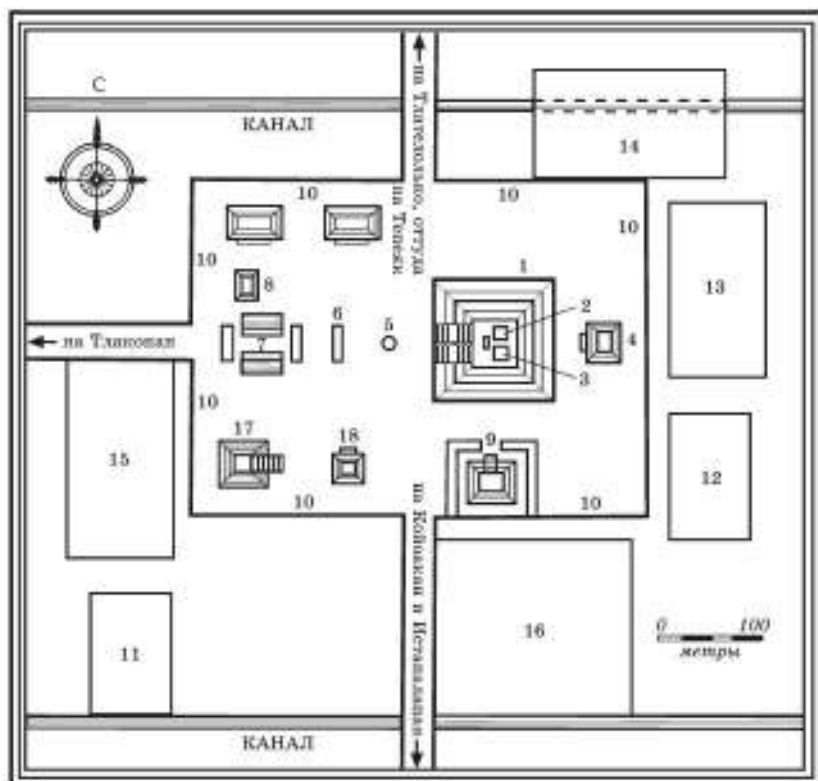
СЕМПОЛАА
ЧАЛЧУАКУЕКАН
ОЛЬМЕКИ
ОЛЬМЕКИ
КОАТЛИКАМАКИ
АЛЬНОБКАН
ТЕУАНТИТЕК
НОВИИ
КОАЦАКОАЛАНГОС
Р. Тапанско
ТОЦТЛАН
ТОМААА
ШОКОНОЧКО
ПЕНСАЛАНГО
ПАЛЕНКЕ
ЧИАПА
ЧИАПАПАН
ТАМОАН
ЯКСЧИЛАН
БОНАЛМАК
озера Цискао
ТАНАУТЛАН
Тихоо
ЮЛУУМИЛЬ
КУТЦ
КАМПЕЧЕ
ОЦМААЛ
МАЙЯ
МАЙЯ
КУАУТЕМАЛАН

ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА ТЕСКОКО И ПРИЛЕГАЮЩИЕ К НЕМУ ЗЕМЛИ

ТЕНОЧТИТЛАН И ОКРЕСТНОСТИ

ИН КЕМ-АНАУАК ЙОЙОТЛИ ИСТИННОЕ СЕРДЦЕ СЕГО МИРА

Центральная площадь Теночтитлана, 1521 г.

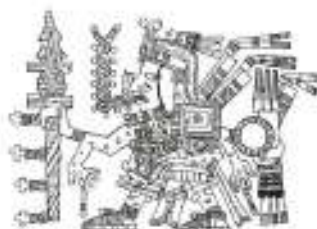
(На схеме обозначены лишь важнейшие достопримечательности, упомянутые в тексте)

1 — Великая Пирамида	8 — Камень Солнца, установленный на жертвеннике
2 — Храм Тлалока	9 — Храм Тескатлипока
3 — Храм Уиццлопочтли	10 — Змеяная Стена
4 — Бывший храм Уиццлопочтли, а позднее (после завершения строительства Великой Пирамиды в 1487 г.) — святилище Сиауакоатль, храм всех второстепенных богов, а также богов, позаимствованных у других народов	11 — Дом Песнопений
5 — Камень Биты (установлен Тисоком)	12 — Зверинец
6 — Цомпантли, или Полка Черепов	13 — Дворец Ашнякаатля (впоследствии — резиденция Кортеса)
7 — Площадка для церемониальной игры тлачтли	14 — Дворец Ауизотля, разрушенный наводнением 1499 г.
	15 — Дворец Мотекусомы Первого
	16 — Дворец Мотекусомы Второго
	17 — Храм Шипе-Тотека
	18 — Орлиный храм

Ты упорно твердишь, что не вечен я,
Как цветы, что взлелеяны мною нежно,
Что навеки сгинет слава моя
И имя забудется безнадежно.
Но мой сад цвести еще долго будет,
И песни мои будут помнить люди.

*Из стихотворения,
написанного Уишкоцином,
принцем Тескою, около 1484 г.*

Королевская резиденция в Вальядолиде, Кастилия

Его Преосвященству, легату и капеллану, святейшему отцу дону Хуану де Сумаррага, недавно назначенному епископом Мексики, что в Новой Испании, шлем Мы Наше высочайшее повеление.

Дабы лучше ознакомиться с жизнью, пребывающей в Нашем владении Новой Испании, с ее укладом, богатствами, народом, там обитающим, а также с верованиями, обрядами и церемониями, бытовавшими прежде, Мы выражаем желание получить наиболее полные сведения относительно всего касающегося индейцев, живших на той земле до прихода наших освободительных сил, до прибытия испанских послов, проповедников и поселенцев.

С этой целью Мы приказываем Вам расспрашивать индейцев-старожил (взяв с них предварительно клятву рассказывать лишь непреложную истину) об истории их страны, правителях, традициях, обычаях et cetera¹. Помимо записей рассказов живых свидетелей соблаговолите также распорядиться о доставке вам свитков, дощечек для письма и любых других письменных свидетельств прошлого, каковые могут подкрепить показания очевидцев. Во исполнение сего указа Вам предписывается повелевать своим подчиненным духовным лицам, елико возможно, искать таковые свидетельства и всячески расспрашивать индейцев об их вероятном местонахождении.

Поскольку делу сему придается немало значение, как необходимому для исполнения обязанностей Нашего Королевского Величества, приказываем Вам приступить к осуществлению вышеозначенных поисков и исследований без промедления. Напротив, Вам надлежит действовать со всей возможной быстротой и усердием, дабы пред Нашими очами в кратчайшие сроки предстал правдивый и подробный доклад.

*(ecce signum) CAROLUS R. I.
Rex et Imperator Hispaniae Carolus Primus
Sacri Romani Imperi Carolus Quintus²*

¹ И так далее (лат.).

² Скреплено личной императорской и королевской печатью. Король Испании Карлос Первый, Император Священной Римской империи Карл Пятый (лат.).

IHS
S.C.C.M.¹

Его Священному Императорскому Католическому Величеству императору дону Карлосу, нашему королю и повелителю

Да пребудут мир, благодать и благоволение Господа Нашего Иисуса Христа с Его Величеством дном Карлосом, по Божественной милости вечно августейшим императором, и с Его высокочтимой королевой-матерью доньей Хуаной, Божьей милостию государями нашими и повелителями правителями Кастилии, Леона, Арагона, обеих Сицилий, Иерусалима, Наварры, Гранады, Галеда, Валенсии, Галисии, Майорки, Севильи, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии, Хазна, Карибов, Алжира, Гибралтара, Канарских островов, Индий и островов и материков Моря-океана, а также графств Фландрии, Тироля и прочая, и прочая...

Счастливейшему и высокочтимому государю: из города Теночтитлан-Мехико, столицы Его владения, именуемого Новой Испанией, на двенадцатый день после Успения Девы Марии в год после Рождества Христова одна тысяча пятьсот двадцать девятый, шлем наш низжайший поклон.

Восемнадцать месяцев тому назад мы, будучи низжайшими из верно-подданнейших Ваших, во исполнение повеления Вашего Величества приняли на себя три должности, как то: первого епископа Мексики, протектора индейцев и апостолического инквизитора, каковые три сана воплотились в нашей ничтожной персоне. Прошло всего девять месяцев со времени нашего прибытия в Новый Свет, где ожидало нас много трудов, требовавших пыла и рвения.

В соответствии с указом о нашем назначении мы ревностно стремились «наставлять индейцев в их долге веровать и чтить Истинного Бога Еди-

¹ Здесь и далее две аббревиатуры, помещенные в начале письма, указывают на то, что оно написано особой духовного звания и адресовано королю. Монограмма IHS, являющаяся латинским сокращением греческого написания имени Иисуса Христа, широко использовалась иезуитами, трактовавшими ее как «С нами Бог». S.C.C.M. было общепринятым сокращением полной формы титулования католического монарха — Священное Императорское Католическое Величество (лат. Sacra Caesaria Catholica Majestas).

ного, иже пребывает на Небесах, каковой дарует жизнь и дыхание всем тварям земным», равно как и «внушать индейцам почтение и верность Его Непобедимому Католическому Величеству императору дому Карлосу, коего Божественное Провидение определило господствовать и повелевать всем миром».

Должен признаться Вашему Величеству, что наставничество сие оказалось делом далеко не легким и отнюдь не скорым. Среди наших соотечественников-испанцев, поселившихся здесь задолго до нашего прибытия, бытует мнение, что индейцы способны слышать только через свои ягодицы. Мы, однако, всенепременно помним о том, что сии несчастные, обделенные духовно индейцы (или ацтеки, как именует теперь большинство наших соотечественников обитающий в здешних краях народ), стоят ниже всего прочего человечества, а следовательно, в силу своей ничтожности заслуживают терпимого, снисходительного отношения.

Кроме наставления индейцев на путь истинный (внушения им, что есть только один Бог на Небесах и один Император на Земле, чьими подданными они все стали и кому должны теперь верно служить) и помимо рассмотрения многих других духовных и мирских дел, мы стремились по мере сил выполнить адресованную нам личную просьбу Вашего Величества о скорейшей подготовке, елико возможно, подробного отчета обо всем касающемся этой terra raena-incognita¹, равно как и об образе жизни обитателей сей несчастной, погруженной во мрак невежества земли.

В личном послании Вашего Навысочайшего Величества особо указано, что нам при написании данной хроники долженствует руководствоваться показаниями индейцев-старожил. Сие обусловило необходимость предпринять нечто вроде особого разыскания, затруднительного ввиду того факта, что после полного разрушения города, произведенного генерал-капитаном доном Эрнаном Кортесом, названных старожил, способных поведать нам изустно достоверную историю, осталось прискорбно мало. Даже на восстановлении города в настоящее время работают лишь женщины, дети да вконец выжившие из ума старики, каковые были неспособны сражаться во время осады. К ним можно прибавить и неотесанных крестьян, согнанных с окрестных земель, людей крайне невежественных и несведущих.

Тем не менее нам удалось найти одного старого (лет шестидесяти трех) индейца, который смог поведать нам многое из интересующего Ваше Величество. Сей, как он сам себя именует, мешикатль² (этот человек не желает, чтобы его называли ацтеком или индейцем) обладает весьма развитым (для представителя своей расы) умом и умеет четко выразить свои мысли, ибо в прежние времена получил некоторое, если таковой термин применим

¹ Малозвестная земля (лат.).

² До испанского завоевания жители государства ацтеков называли свои земли Мешико, а себя — мешиками или мешикатль. Закрепившиеся впоследствии географические и этнографические названия «Мехико», «Мексика», «мексиканец» (а также некоторые другие) были введены испанцами в результате неправильной транскрипции индейских слов. Далее в тексте и рассказе ацтека будут употребляться традиционные индейские названия, а в письмах епископа — принятые в Испании.

к туземцам, образование, служил писцом и сведущ в той языческой тарабарщине, которая заменяла этим дикарям грамоту.

За свою жизнь он помимо профессии писца сменил множество занятий: был воином, придворным, странствующим купцом и даже своего рода эмиссаром, коего посылали их последние языческие правители к командирам отрядов наших первых, прибывших из Кастилии освободителей. Выполняя эти посольские обязанности, он научился вполне сносно говорить на нашем языке. Однако, хотя сей туземец и говорит на кастильском наречии вразумительно, мы, дабы избежать малейшей неточности, общались с ним при участии толмача, испанского юноши, имеющего значительные познания в науатль (так ацтеки называют свой гортанный, состоящий из длинных и неблагозвучных слов язык). В помещении, где осуществлялись допросы, при проведении оных присутствовали также четверо наших писцов. Эти благочестивые братья весьма преуспели в искусстве скорописи, известном как тиронское письмо и используемом в Риме для немедленной записи каждого высказывания Святого Отца, равно как и для составления подробных отчетов о ходе многолюдных собраний.

Мы велели ацтеку поведать нам без утайки историю своей жизни, и пока он говорил, все четыре брата, не отрывая перьев от бумаги, записывали его речь тиронской скорописью, не упуская ничего из того словесного водопада, коим разразился индеец. Хотя слова его, как Вы сами увидите, и бывали порой отвратительно дерзкими и язвительными.

Начать с того, что, едва открыв рот, названный ацтек проявил полнейшее неуважение к нашей персоне, сану и полномочиям, полученным нами от Вашего Высочайшего Величества, что, по нашему разумению, является скрытым проявлением непочтительности и по отношению к нашему суверену.

Сразу за этим вступлением следуют страницы, содержащие подлинный рассказ индейца. Запечатанный как предназначенный лишь для очей Вашего Величества пакет с рукописью покинет Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус послезавтра, будучи вверен попечению капитана Санчеса Сантовенья, командира каравеллы «Глория».

Поелику мудрость, прозорливость и рассудительность Вашего Императорского Величества прославлены повсеместно, мы понимаем, что, предваряя заключенные в конверт страницы сим *saveant*¹, мы тем самым рискуем навлечь на себя монаршее неудовольствие, однако полагаем, что нас обязывает к тому возложенный на нас епископский и апостольский сан. Мы всецело поддерживаем пожелание Вашего Величества получить правдивое и всестороннее донесение обо всем, что есть стбщего в этой стране, однако все прочие, кроме нас самих, будут убеждать Ваше Величество в том, что индейцы есть жалкие, презренные существа, каковые едва ли могут быть причислены к роду человеческому. Чего можно ждать от народа, не обладающего настоящей письменностью, народа, не имевшего письменных законов, но жившего в соответствии с варварскими обычаями и традициями, народа,

¹ Предостережение (лат.).

прозябавшего во тьме язычества, в дикости, невоздержанности, во власти плотских вожделений и звериной жестокости? Ведь еще недавно эти варвары подвергали мучениям и убивали своих несчастных соотечественников во славу своей беззаконной, дьявольской «религии».

Мы не можем поверить в то, что от существа, подобного вышеописанному нами обуйному гордыней ацтеку, равно как и от иных его соплеменников, как бы ни оказались оные бойки на язык, можно получить отчет, заслуживающий того, чтобы представить таковой пред очи императора всех католиков. В равной мере нам трудно поверить и в то, что Его Священное Величество император дон Карлос по прочтении записи сего непристойного, греховного, безбожного, омерзительного и дерзкого повествования вышеупомянутого самонадеянного представителя расы язычников, место коим в навозной куче, не будет повергнут в гнев и отвращение.

Как уже было указано, ниже прилагается первая часть хроники, записанной со слов названного индейца. Мы страстно уповаем на то, что за прочтением ее последует повеление Вашего Величества, в соответствии с коим сей опус окажется не только первым, но и последним.

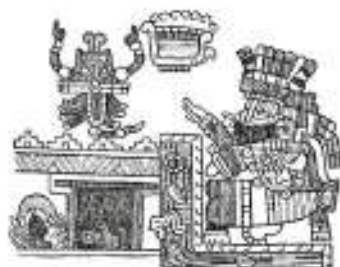
Да хранит Господь, Наш Владыка, драгоценную жизнь, монаршию персону и католическую державу Вашего Величества бесчисленные годы, и да преумножит Он и прирастит Ваши владения и земли настолько, насколько возжелает того Ваше королевское сердце.

Подписал собственноручно Вашего Священного Императорского и Католического Величества преданный слуга и смиренный клирик

*fra*¹ Хуан де Сумаррага,
Епископ Мексики,
Апостолический инквизитор
и Протектор индейцев

¹ Брит (ит.), у католиков присоединяется к имени монаха, члена религиозного братства.

INCIPIT¹

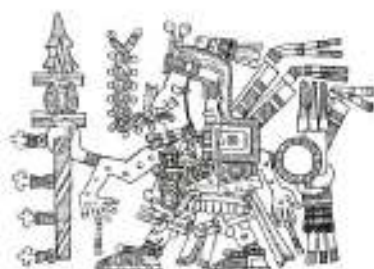
Далее следует изустный рассказ-хроника пожилого индейца из племени, обычно именуемого аптеками (чьё повествование обращено было к его преосвященству епископу Мексики Хуану де Сумаррага), записанный *verbatim ab origine*²

братом Гаспаром де Гайана,
братом Торибьо Вега де Аранхес,
братом Херонимо Муньос
и братом Доминго Видлегас-и-Ибарра,
*interpretes*³ Алонсо де Молина.

¹ Здесь: документ, предваряющий повествование; *бука.*: начинается (*лат.*).

² Дословно с самого начала (*лат.*).

³ В переводе (*лат.*).

Мой господин!

Прошу прощения, мой господин, за то, что не ведаю, как именно следует обращаться к столь важной особе, но думаю, что подобное обращение вас не обидит. Поскольку вы человек, а ни один из встречавшихся мне в жизни людей не возражал против того, чтобы его так именовали. Итак, мой господин...

Ваше преосвященство, вот оно что?

Аййю, это еще более славный титул, подобающий тому, кого мы, жители этих земель, назвали бы ауакуафунтль, что обозначает могучее теннисное дерево. Это высокое звание, и для такого человека, как я, предстать пред столь могущественным господином и быть выслушанным им — большая честь.

Нет-нет, ваше преосвященство, не сомневайтесь в моих словах, даже если вам покажется, что я вам лыщу. Весь город толкует о могуществе вашего преосвященства, каковому служат многие люди, тогда как я есть не более чем вытертый половик, потрепанный обносок того, чем был прежде. Ваше преосвященство присутствует здесь во всем великолепии своего высокого сана, ну а я — это всего-навсего я.

Однако, как мне объяснили, ваше преосвященство желает узнать, кем я был ранее. Оказывается, вашему преосвященству угодно выслушать рассказ о том, каковы были мой народ и моя земля в давно минувшие годы, за многие вязанки лет до того, как королю вашего преосвященства с проповедниками и арбалетчиками заблагорассудилось вызволить нас из ярма варварства.

Это и вправду так? О, значит, ваше преосвященство ставит предо мной непростую задачу. Способен ли я при своем скудном уме и за то малое время, которое боги... то есть, конечно, Господь Вседержитель отведет мне на завершение земной жизни хотя бы в самых общих чертах описать наш огромный мир со всем множеством народов и многообразием событий, происходивших за вязанки вязанок лет.

¹ Здесь: первая часть рассказа; букв.: говорит (лит.).

Пусть ваше преосвященство представит себе дерево, отбрасывающее великую тень. Пусть предстанет оно пред вашим мысленным взором — с могучим стволом и раскидистой кроной, с огромными ветвями и птицами, на них гнездящимися, с пышной листвой и играющими на ней солнечными бликами. Пусть вы почувствуете прохладу, которую дарует это дерево укрывшемуся под его сенью жилищу. Жилищу, где обитали мальчик и девочка, моя сестра и я.

Под силу ли вашему преосвященству, при всем его великом могуществе, сжать это могучее древо до размеров черенка, подобного тому, какой отец вашего преосвященства некогда вонзил между ног вашей матери?

Иа, айяя, я вызвал неудовольствие вашего преосвященства и испугал его писцов. Пусть ваше преосвященство простит меня. Мне следовало догадаться, что совокупления белых мужчин со своими белыми женщинами, должно быть, осуществляются совершенно иначе, а не так, как это происходит, когда они силой берут наших женщин, чему я не раз был свидетелем. А уж христианское совокупление, завершившееся зачатием вашего преосвященства, конечно же, было особенно благочестивым.

Да-да, ваше преосвященство, уже прекратил. Больше не буду. Но вашему преосвященству должны быть понятны мои затруднения, ибо слишком велика пропасть между нашим бывшим ничтожеством и вашим нынешним превосходством. Быть может, достаточно будет лишь краткого изложения, после чего вашему преосвященству уже не понадобится утруждать свой слух далее? Взгляните, ваше преосвященство, на своих писцов, каковые на нашем языке называются «знающими мир». Я и сам был писцом, так что очень хорошо помню, насколько трудно с высокой точностью и достоверностью изложить на оленьей коже, выделанных листьях или коре множество разных дат и событий. Случалось, что по прошествии всего нескольких мгновений, когда еще не успевали высохнуть краски, мне самому было нелегко прочесть вслух без запинки то, что я только что собственноручно запечатлел.

Хотя, дожидаясь прибытия вашего преосвященства, я переговорил с вашими «знающими мир» и пришел в великое изумление. Каждый из этих почтенных писцов способен сотворить настоящее чудо: записать сказанное и прочесть его, причем не просто излагая суть, но воспроизводя каждое слово именно в том порядке, в каком эти слова прозвучали, со всеми интонациями, паузами и ударениями. Я было счел это проявлением особого дара — у нас обладавших такими способностями памяти и звукоподражания именовали «запоминателями». Однако один из ваших писцов пояснил, что все сказанное мною сохранилось навсегда в виде значков, нанесенных им на бумагу. Признаюсь, я всегда гордился, ваше преосвященство, что по мере своего скудного ума научился говорить на вашем языке, но ваше умение запечатлевать в знаках не только события и числа, но и все оттенки мысли выше моего убогого понимания.

Мы писали иначе — записывали не звуки, а понятия, и чтобы наши картинки говорили, требовались краски. Краски, которые поют или ры-

дают. Их было много: красные, охристо-золотистые, зеленые, бирюзовые, того цвета, что именуется шоколадным, гиацинтовые, серые, как глина, и черные, словно полночь. Но даже при всем своем многообразии эти краски не позволили описать и выразить полностью смысл каждого слова, не говоря уж об оттенках и искусных поворотах фраз. А вот любой из ваших «знающих мир» способен записать каждый слог, каждый звук, причем может сделать это одним лишь пером, не прибегая к множеству камышинок и кисточек. И, что самое поразительное, писцы при этом используют лишь одну-единственную краску, тот ржаво-черный отвар, который они называют чернилами.

Уже одно это, ваше преосвященство, весьма наглядно показывает разницу между нами, индейцами, и вами, белыми людьми, разницу между нашим невежеством и вашим знанием, между нашими старыми временами и вашим новым временем. Согласится ли ваше преосвященство с тем, что простой росчерк пера есть доказательство того, что ваш народ имеет право властвовать, а наш обречен повиноваться? Ведь, разумеется, ваше преосвященство требует от нас, индейцев, безусловного подтверждения того, что ваше торжество и ваши завоевания были предопределены, причем причиной тому стали не ваше оружие или ваше хитроумие, даже не воля вашего Всемогущего Творца, но изначальное внутреннее превосходство высших существ над низшими, каковыми мы и являемся. Поэтому, полагаю, ваше преосвященство не имеет более нужды как в моих словах, так и в моем присутствии.

Моя жена стара, немощна и сейчас оставлена без ухода. Не стану притворяться, будто она глубоко скорбит по поводу моего отсутствия, но ее это крайне раздражает. А поскольку она и без того очень вспыльчива, лишнее раздражение не пойдет ей на пользу. И мне тоже. А потому я приношу вашему преосвященству свою нижайшую благодарность за столь высокую честь, оказанную вашим преосвященством несчастному старому дикарю, и смиренно прошу у вашего преосвященства дозволения удалиться. Чего я не смею сделать до тех пор, пока не получу на то благосклонного согласия вашего преосвященства.

И снова приношу свои нижайшие извинения. Я и не заметил, что за столь непродолжительное время повторил слова «ваше преосвященство» более тридцати раз, и уж конечно и в мыслях не имел произносить их каким-то особым тоном, хотя, разумеется, не дерзну оспаривать скрупулезный отчет ваших писцов. С этого момента я приложу все усилия, чтобы умерить свое подобоострастное восхищение вашим, сеньор епископ, великолепием. Надеюсь, и голос мой будет звучать как должно.

Да-да, коль скоро вы приказываете, я продолжаю.

Но если подумать — кто я таков, чтобы вешать? И что мне вешать, дабы ваши уши внимали моим словам?

Моя жизнь в отличие от жизни большинства моих соплеменников была долгой. Я не умер во младенчестве, как умирают многие из наших

детей. Я не погиб в бою и не был убит на жертвенном камне, какую смерть считали у нас почетной и славной. Я не загубил себя пьянством, не подвергся нападению дикого зверя, не был призван богами во дни бедствий. Меня миновали страшные недуги, занесенные в наш край на испанских кораблях и косившие моих соплеменников тысячами. Я пережил даже наших богов, которые хотя и остались бессмертными, но перестали существовать. Я прожил более полной вязанки лет и много чего увидел, сделал, узнал и запомнил, это правда. Но правда и другое: ни одному человеку не дано постигнуть во всей полноте даже то, что происходило во дни его жизни. Страна же наша несравненно древнее меня, и история ее началась задолго до моей собственной. Задолго до того, как началась та единственная жизнь, которую я могу восстановить в памяти, дабы господа писцы затем запечатлели ее в ржавой темноте ваших чернил...

«То было празднество копий, истинное празднество копий». Помню, именно так обычно начинал рассказы о сражениях старый сказитель с моего родного острова Шалтокан. Нас, слушателей, подобный зачин завораживал мгновенно, и мы внимали сказителю, позабыв обо всем на свете, хотя многие из его рассказов, как я теперь понимаю, были посвящены не великим сражениям, а всего лишь мелким стычкам племен друг с другом. Но, видно, не столько важно само происходящее, сколько мастерство, с которым оно описывается.

Тот мудрый сказитель умел найти самое главное и увлекательное событие и, рассказав о нем, полностью завладеть вниманием слушателей, после чего начинал плести нить повествования вперед и назад во времени. В отличие от него я, не обладающий таким даром, способен лишь начать с самого начала и двигаться из прошлого к будущему, сквозь то время, в котором жил. Однако все, что я расскажу вам о своей жизни, происходило в действительности, и ни одного слова лжи мною произнесено не будет. Для подтверждения этого я готов целовать землю, или, говоря по-вашему, «торжественно клянусь».

Это было в те далекие времена, которые мы называем «ок Йе нечка», когда никто, кроме богов, не передвигался по нашей земле быстрее, чем гонцы, и ничто, за исключением гласа богов, не звучало громче, чем восклицания глашатаяев. В тот день, именуемый Седьмым Цветком, в месяц Божественного Вознесения года Тринадцатого Кролика, как раз и раздался глас бога дождя Тлалока: мощный, раскатистый гром. А надо вам сказать, что было это не совсем обычно, ибо сезон дождей уже подходил к концу.

Тлалокуэ, духи, сопутствующие шествию по небесам бога Тлалока, наносили свои удары огненными трезубцами молний, с грохотом раскалывая тучи и обрушивая на землю яростный ливень.

Уже ближе к вечеру, под вой ветра и громыханье бури, в маленькой хижине на острове Шалтокан, я покинул лоно матери и вступил на путь, ведущий к смерти.

Чтобы сделать свою хронику понятнее для вас — вы видите, я постарался и выучил ваш календарь, — я подсчитал, что мой день рождения приходился бы на двадцатый день месяца, который вы называете сентябрем, в год, имеющий по вашему обычаю не имя, а всего лишь номер — одна тысяча четыреста шестьдесят шестой. То было во времена правителя по имени Мотекусума¹ Илуикамина, что означает Гневный Владыка, Поражающий Стрелами Небеса. Он был нашим юй-глатоани, или Чтимым Глашатаем; так титуловали у нас того, кого вы назвали бы королем или императором. Однако в те далекие дни имя Мотекусумы, равно как и кого-либо другого, ничего для меня не значило.

Едва появившись на свет, я, еще помнивший тепло материнского чрева, несомненно, был тут же погружен в чан с водой, такой холодной, что перехватывало дыхание. Разумеется, я этого не помню, но впоследствии сам не раз становился свидетелем подобного обряда, причем ни одна повивальная бабка не потрудилась объяснить мне, в чем его смысл. Возможно, данный обычай объясняется верой в то, что если новорожденный переживет столь ужасное потрясение, то он сможет впоследствии преодолеть и все те недуги и напасти, которые неминуемо и не один раз поразит его прежде, чем он вырастет. Надо думать, что мне это купание не понравилось, и, пока повитуха пеленала меня, мать выплутывала руки из узлов привязанной к потолку веревки, в которую вцепилась, когда встала на колени, чтобы извергнуть сына на пол, а отец осторожно наматывал пуповину на маленький, вырезанный им собственноручно деревянный военный щит, я орал на весь остров.

Согласно обычаю мой отец должен был вручить этот талисман первому встречному воину, дабы тот оставил его на первом же поле боя, куда заведет его судьба. Это означало, что мой тонали (жребий, рок, участь, судьба — как ни назови) состоит в том, чтобы стать воином. Для человека моего происхождения сей удел считался весьма завидным, а смерть в бою, по понятиям нашего народа, была самой достойной. Однако впоследствии, хотя мой тонали частенько увлекал меня на рискованную стезю и мне пришлось участвовать не в одном бою, сам я никогда не рвался в схватку и уж тем паче не стремился встретить доблестную смерть раньше отведенного мне срока.

Пожалуй, тут следует добавить, что в соответствии с обычаем, имевшим место в отношении младенцев женского пола, пуповина Девятой Тростинки, моей сестры, родившейся примерно за два года до меня, была помещена под очагом в той самой камерке, где мы оба появились на свет. Ее пуповину обмотали вокруг крохотного глиняного веретена, из чего следовало, что девочке предназначалась самая заурядная участь — стать работающей хозяйкой и хлопотать возле домашнего очага.

Забегая вперед, скажу: этого не произошло. Тонали Девятой Тростинки оказался столь же своенравным, как и мой.

¹ В испанской научной и художественной литературе закрепился искаженный конкистадорами вариант имени индейского вождя — Монтекума. В таком виде это имя вошло впоследствии во многие европейские языки, в том числе и в русский.

После того как повитуха окунула меня в купель и запеленала, она приняла весьма серьезный вид и обратилась ко мне торжественным тоном, хотя я, разумеется, не только не понимал ее слов, но и заглушал их своим надсадным ревом. Однако этого требовал обряд. Потом, уже повзрослев, я не раз слышал, как другие повивальные бабки обращались к другим новорожденным младенцам мужского пола с теми же самыми словами. То был один из тех древних ритуалов, которые свято соблюдались нашим народом с незапамятных времен, ибо считалось, что таким образом сохраняется связь поколений, поскольку при этом новорожденным передается мудрость давно умерших предков.

Обращаясь ко мне, повитуха называла меня Седьмым Цветком, ибо у нас день рождения становится для новорожденного именем, каковое ему и предстоит носить до тех пор, пока он не выйдет из опасной поры младенчества, вплоть до достижения семи лет. И лишь когда становится ясно, что ребенку суждено вырасти и возмужать, он получает настоящее, взрослое имя.

Вот что сказала мне в тот день повитуха:

— Седьмой Цветок, дитя возлюбленное и любовно мною из лона матери принятое, внемли слову, издревле завещанному нам богами. Ведай, что как отпрыск отца своего и матери своей ты послан в мир, чтобы быть воином и слугой богов. Но то место, где ты только что был рожден, не есть твой истинный дом.

Ты обещан полю битвы, — возвестила она, — и первейший твой долг состоит в том, чтобы поить солнце кровью врагов и питать землю трупами недругов. Если твой тонали исполнится как должно, ты недолго пробудешь с нами в этой долине скорби. Истинным твоим домом станет обитель бога солнца, великого Тонатлиу.

И еще сказала она:

— Седьмой Цветок, если ты вырастешь и умрешь как ксочимикуи, то есть станешь одним из тех, кому посчастливилось заслужить Цветочную Смерть на войне или быть принесенным в жертву богам, ты родишься к вечной жизни в Тонатлиукане, блаженной обители солнца, где будешь вечно служить могучему Тонатлиу и радоваться этому служению.

Вижу, ваше пресвященство, вы морщитесь. Точно так же морщился бы на вашем месте и я, если бы осознавал суть этого, встретившего меня по вступлении в земной мир приветствия. Равно как и слова соседей и родственников, собравшихся, чтобы взглянуть на новорожденного. Каждый из них склонялся надо мной с традиционным обращением: «Ты явился в этот мир, чтобы страдать и терпеть».

Будь дети способны понять, какими словами их приветствуют, они, наверное, все как один постарались бы вернуться в материнское чрево, а то и снова обратиться в семя.

Конечно, мы и вправду являемся в этот мир для страдания и терпения: какое человеческое существо не испытало этого на себе? Но, говоря о доблестной смерти солдата или благой участи быть принесенным в жертву богам, повитуха, подобно пересемщанику, лишь повторяла одни

и те же затверженные раз и навсегда слова. Впоследствии я слышал подобные наставления от отца, учителей и наставников, от наших жрецов, да и от ваших священников тоже. Все они бездумно повторяли то, что дошло до них от далеких предков, передаваясь из поколения в поколение. Я, однако, пришел к убеждению, что давно усопшие и при жизни — то были ничуть не мудрее нас, а уж то, что они умерли, никоим образом не могло добавить им мудрости. Так что эти выставляемые как непреложная истина слова мертвых я всегда воспринимал определенным образом — как мы говорим, йка мапильскокоитль, то есть не ставил и в мизинец. По-вашему — ни в грош.

Мы вырастаем и смотрим на мир сверху вниз, а потом стареем и оглядываемся назад. Аййю, но вы только представьте, каково это — быть ребенком! Позади у тебя совсем ничего нет, а все дни и все дороги ведут только вперед, только вверх, и ни одна возможность еще не упущена, ни один день не истрачен даром, и ни о чем пока не приходится жалеть. Все в мире для тебя ново, да и сам мир нов, каким был он некогда для Ометекули и Омекуатль, нашей Высшей Божественной Четы, первых существ всего творения, которых мы называем боги-творцы.

Стоит мне обратиться к памяти, и мои старые уши вновь наполняют звуки, сопутствовавшие рассветам моего детства на нашем острове Шалтокан. Бывало, что я просыпался от того, что папан, Птица Зари, распевала свою незамысловатую песенку: «Па-па-куи-куи... па-па-куи-куи» — извечный призыв подняться, петь, танцевать и радоваться. В иные дни я пробуждался еще до зари, потревоженный хлопотами матери, которая растирала на жернове маисовые зерна или с хлопаньем замешивала маисовое тесто, из которого лепила и пекла большие тонкие лепешки. Те самые, которые мы называли тласкала, а вы теперь именуете тортильями.

Бывали и такие утра, когда я просыпался раньше всех, кроме жрецов Тонатли, бога солнца. Тогда, лежа в темноте, я слышал, как они, издавая хриплые, бляющие звуки, дули на вершине украшавшей наш остров скромной храмовой пирамиды в раковины. Такими звуками, а также курением благовоний сопровождалось ритуальное умертвление перепела. (Эта птица, в силу того что она испещрена крапинками, символизировала звездную ночь.) Жрецы сворачивали перепелу шею, монотонно распевая при этом обращение к божеству: «Узри смерть ночи, о парящий орел, и яви себя, дабы вершить благие дела. Явись, драгоценный, дабы согреть и осветить Сей Мир...»

Как сейчас помню жаркие дни моего раннего детства, когда Тонатли, во всей своей сияющей мощи, стоя и притопывая на крыше вселенной, посылал вниз свои сияющие стрелы. В этот лишенный тени, окрашенный золотом и лазурью полуденный час горы вокруг озера Шалтокан казались такими близкими, словно их можно было коснуться рукой. Пожалуй, это самое раннее из моих воспоминаний (вряд ли мне могло быть более двух лет, и я тогда еще не имел представления о расстоянии) — как день и весь мир тяжело дышали вокруг меня, а я жаждал прикосновения

чего-то прохладного. Мне все еще памятно то детское удивление, когда я, протянув руку, не ощутил голубизны лесистой горы, которая возвышалась передо мной в столь манящей близости.

Без усилий вспоминаю я также и вечера, когда Тонатлиу раскидывал вокруг себя мантию из блестящих перьев, опускался на мягкое ложе из многоцветных цветочных лепестков и погружался в сон. Он пропадал из виду, уходя из поля зрения смертных в Темную Обитель, Миктлан. Из четырех нижних миров, каковые становятся пристанищем усопших, Миктлан есть самый нижний, местопребывание умерших окончательной смертью, полностью и безвозвратно. Это место, где никогда ничего не происходит, не происходило и не произойдет. Однако Тонатлиу, в несказанной своей милости, хотя и не столь щедро, как расточает он свой свет нам, озаряет смутным свечением своего сна даже мрачную бездну, предназначенную для безвозвратно ушедших.

Между тем в Сем Мире — а точнее, на Шалтокане, в ту пору и представлявшем для меня собой весь мир, — бледные, голубоватые туманы поднимались вечерами над озером, так что черневшие вокруг горы казались плывущими на их волнах, между красными водами и пурпурным небом. Потом над закатным горизонтом, как раз там, куда исчез Тонатлиу, всплывала на некоторое время Омексочитль, звезда Вечерней Зари. Она являлась, дабы заверить нас, что хоть свет угасает и мир погружается во тьму, нам не надо бояться того, что он уподобится Темной Обители, ибо Сей Мир жил и будет жить, пока не придет его время.

Очень хорошо помню я и ночи, в особенности одну ночь. Тогда Мецтли, бог луны, только-только завершил свою ежемесячную трапезу: насытившись звездами, он округлился и светился довольством так, что очертания кролика, спрятавшегося на луне, вырисовывались не менее отчетливо, чем любая храмовая резьба. В ту ночь — мне было тогда года три или четыре — отец посадил меня на плечи и нес, крепко держа за лодыжки. Его размашистые шаги пронесли меня сквозь прохладное свечение и еще более прохладную темноту, сквозь испещренный пятнышками лунный свет и лунную тень, которые отбрасывали похожие на перья листья «старейших из старых» деревьев, кипарисов азуеуткве.

В ту пору я уже подросток и был наслышан о всяческих страшилищах, таившихся в ночи, как раз за краешком человеческого зрения. Там находилась Чокакфуатль, Рыдающая Женщина, первая из всех матерей, умершая в родах и обреченная вечно скитаться во мраке, оплакивая свое потерянное дитя и собственную потерянную жизнь. Там скрывались не имевшие имен, безголовые и лишённые конечностей мертвецы, ухитрявшиеся при этом каким-то образом, слепо и беспомощно извиваясь на земле, издавать жуткие стоны. Там же, в воздухе, на высоте человеческого роста, парили, преследуя и пугая застигнутых темнотой в дороге странников, голые черепа с пустыми глазницами. Обычно о присутствии всей этой нежити можно было догадаться лишь по доносившимся из мрака звукам; если же кому-то хоть краем глаза доводилось увидеть одно из таких порождений ночи, то был верный знак, что этого смертного поджидала большая беда.

Дженнингс Г.

Д 40 Ацтек : роман / Гэри Дженнингс ; пер. с англ. В. Волковско-го. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 880 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-21626-6

Жизнь ацтеков... Культ золота и кровавые ритуалы, странные обычаи и особое видение мира, населенного свирепыми духами и жестокими бо-жествами. Но если ты родился в этой древней стране, то принимаешь такую жизнь как единственную, дарованную тебе судьбой. Вместе с героем книги мы пройдем экзотическими путями, увидим расцвет империи, восхитимся величием Монтесумы, правителя народа ацтеков, будем сокрушаться и негодовать, когда бледнолицые воины в железных доспехах высадятся со своих кораблей и пройдут с огнем и мечом по священной земле ацтеков.

Роман Дженнингса из разряда книг, которые однозначно получают чи-тательское признание. Недаром этот его роман стал общепризнанным миро-вым бестселлером.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сас)-44

ГЭРИ ДЖЕННИНГС
АЦТЕК

Ответственный редактор Александр Егоров
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.08.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 55. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Бороздино-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

